

Свинные ребрышки, двадцать полутуш, сто килограммов грудинки, пятьдесят крупных костей, свиные ножки, кишки, баранина, бараньи ребра...

Больше всего было говядины. Поскольку туши коров слишком объемны, места в пространстве-хранилище не хватало, и держать их там было менее выгодно, чем разводить свиней. Поэтому Нин Циянь решил запастись готовой говядиной, сложив её в морозильную камеру — этого должно было хватить надолго.

На самом деле, самыми тяжелыми были первые два года после землетрясения: продовольствие закончилось, климат стал экстремальным, а люди пребывали в панике. К третьему году выжившие адаптировались к новым условиям, а правительство восстановило контроль. Пусть рис и белую муку по-прежнему было не достать, картофеля, батата и кукурузы хватало, чтобы набить желудок. Незадолго до того, как Нин Циянь переродился, люди начали заново разводить скот, в основном кроликов из-за их плодовитости, а также кур — всё-таки они несли яйца.

Закончив с мясом, Нин Циянь потащил менеджера к прилавку с морепродуктами.

Различных рыб и креветок он также заказал немало. Из-за большого объема цена оказалась ниже, к тому же магазин предлагал доставку. Однако Нин Циянь не стал заказывать её домой, а указал адрес небольшого склада, который арендовал на окраине университетского городка. Из-за того, что в последнее время он заказывал слишком много товаров через интернет, ему пришлось снять склад, чтобы не привлекать внимания к своим огромным запасам.

После оплаты менеджер пообещал, что через полчаса всё будет готово к отправке. Нин Циянь вместе с Ду Чэном поехал на склад, чтобы принять товар.

В ожидании доставки Нин Циянь достал телефон, посмотрел на него некоторое время и молча протянул Ду Чэну.

Ду Чэн заглянул в экран и усмехнулся. Неудивительно, что Нин Циянь так расстроен: банковское уведомление гласило, что на счету осталось чуть больше ста пятидесяти тысяч.

— Разве мы не купили всё, что нужно? Денег всё равно больше ни на что не хватит, — утешил его Ду Чэн.

Нин Циянь вздохнул:

— Я знаю, но всё равно тяжело видеть, как они заканчиваются.

Ду Чэн покачал головой: с таким психологическим состоянием Нин Циянь мог справиться только сам.

— Но оставлять такую сумму тоже бессмысленно. Я планирую оставить пятьдесят тысяч — если деньги снова войдут в обиход, этого хватит на первое время. А оставшиеся сто тысяч надо как-то потратить, — добавил Нин Циянь.

Ду Чэн призадумался:

— Давай разводить речных крабов.

Нин Циянь опешил:

— Ты шутишь?

Ду Чэн посмотрел на него в упор.

Нин Циянь моргнул:

— Ты умеешь?

Ду Чэн кивнул. В тюрьме человек по прозвищу Борода, который первое время присматривал за ним, как раз занимался разведением крабов. Ду Чэн девять лет слушал его рассказы и запомнил все тонкости. Еще до освобождения он планировал заняться этим делом, ведь при правильном подходе это приносило хороший доход, а главное — Нин Циянь их обожал.

Ду Чэн вспомнил, как в детстве, благодаря доброте старого директора приюта, им с Нин Циянем достался один приготовленный на пару краб. С тех пор Нин Циянь не мог забыть этот вкус много лет, но крабы стоили слишком дорого для сирот без дохода.

— Ты всё еще их любишь? — с сомнением спросил Ду Чэн.

Нин Циянь, который уже хотел сказать, что в пространстве всё забито и нет места для крабов, замолчал, проглотил все вопросы и ответил лишь одно:

— Люблю.

Приняв товар, Нин Циянь спрятал всё в пространство — благодаря запасу хладагентов продукты долго не испортятся. Затем он отвез Ду Чэна в банк, чтобы снять все деньги с карты.

Оставив пятьдесят тысяч, остальное он отдал Ду Чэну.

Вечером, когда Нин Циянь разложил всё мясо и морепродукты по морозилкам, он увидел, что Ду Чэн сидит во дворе с блокнотом и что-то пишет при свете лампы, которую они соорудили

для освещения территории.

Всю следующую неделю Нин Циянь работал водителем, ни о чем не спрашивая, а просто возя Ду Чэна повсюду по его указаниям.

Сначала они сделали основание из толстых стальных листов, на котором соорудили прямоугольный бетонный бассейн площадью около девяноста квадратных метров и глубиной чуть больше метра.

Затем купили стальные балки и листы. Когда Ду Чэн полез с лестницей на крышу, Нин Циянь наконец понял: Ду Чэн хочет установить этот бассейн на крыше дома.

Нин Циянь лишился дара речи — хорошо еще, что крыша была плоской.

Стальной каркас, который соорудил Ду Чэн, выглядел надежно: несколько толстых опор упирались прямо в землю вдоль внешних стен, а затем были обложены кирпичом и залиты цементом.

За два дня Ду Чэн, не прося помощи у Нин Цияня, подготовил всё необходимое в пространстве, а на третий день они отправились в город П., расположенный в двухстах километрах.

Город П. славился своими крабами — это была родина Бороды. Поскольку Нин Циянь заранее договорился с продавцом через интернет, по прибытии они сразу отправились смотреть товар.

Ду Чэн хотел купить не мальков — в это время года их никто не продавал, — а уже подросших крабов.

Сначала продавец не верил Нин Цияню, ведь никто так не делает: если хочешь разводить крабов, то покупаешь мальков.

Нин Цияню стоило немалых усилий договориться, но цена оказалась ненамного ниже, чем у взрослых особей.

Они купили сто пятьдесят крабов, поровну самцов и самок, а также много ила из пруда. Заплатив полную сумму, они договорились о доставке земли и крабов в город Д.

К 9 мая, когда бассейн был готов, наполнен землей, песком и водой, а крабы запущены, Нин Циянь поместил всю конструкцию в пространство и установил на стальной каркас.

Нин Циянь, не заботясь о приличиях, уселся прямо на землю во дворе и, глядя на Ду Чэна, который всё еще возился на крыше, глубоко вздохнул.

После недели бешеной гонки они наконец закончили. Из-за нехватки времени это было даже утомительнее, чем закупка припасов в предыдущие два месяца.

Но что бы ни было, раз уж у Ду Чэна появилась идея, Нин Циянь был готов на всё. В конце концов, обычно именно Ду Чэн безропотно следовал его указаниям.

8. Последнее спокойствие

Проснувшись, Нин Циянь увидел сквозь шторы, что в комнате уже светло. Взглянув на настенные часы, он понял, что уже за полдень. Удивительно, что Ду Чэн всё ещё спал — видимо, действительно вымотался.

Нин Циянь тихо оделся и вышел из комнаты. В последние дни из-за суеты готовить было некогда, питались в основном доставкой.

Он поставил вариться кашу, а затем вышел во двор и сорвал два хрустящих огурчика. Хотел было порезать их, но побоялся шуметь и разбудить Ду Чэна, поэтому просто налил в блюдо соус — макать в него свежие огурцы тоже было неплохо.

Поджарил два яйца и несколько ломтиков бекона — завтрак готов.

Помыв руки, Нин Циянь обернулся и увидел Ду Чэна, который прислонился к дверному косяку и смотрел на стол. Хотя выражение его лица оставалось бесстрастным, Нин Циянь сразу заметил в его глазах легкое пренебрежение.

— Проснулся — иди умывайся. Пока перекуси этим, а потом ходим куда-нибудь нормально поедим, — сказал Нин Циянь, не обращая внимания на его вид, и наложил кашу в миску.

Меньше чем через десять минут завтрак был окончен. Ду Чэн взял на себя кормление скота, а Нин Циянь вышел из пространства, чтобы в последний раз проверить, не забыл ли он чего дома. Всё, от мебели и техники до посуды и канцелярских принадлежностей — всё, что можно было забрать, он спрятал в пространство.

Даже зная, что дом не разрушится, он понимал: если они уйдут сегодня, то вернутся сюда, скорее всего, уже после землетрясения. Каким будет мир тогда, он не знал.

К трем часам дня всё было готово. Они сели в машину и поехали в японский ресторан, о котором Нин Циянь давно мечтал.

Сашими, сладкие креветки, красные моллюски...

Ду Чэн нахмурился, глядя на огромный стол с сырыми морепродуктами.

— Ну же, только один раз. Я так давно хотел попробовать кухню этого ресторана, — Нин Циянь с улыбкой налил Ду Чэну саке.

— Если так любишь, почему не приходил раньше? — Ду Чэн прикрыл рукой стакан, не давая Нин Цияню налить себе. Ему еще предстояло вести машину, а даже если завтра землетрясение, сегодня полиция всё равно проверяет водителей на трезвость — ему не хотелось, чтобы завтрашний день они встретили в отделении полиции.

— Слишком дорого. Не смотри, что стол кажется полным, если убрать тарелки и лед, еды там немного. Сами увидите при расчете — меньше двух-трех тысяч не выйдет, — Нин Циянь опустил бутылку и налил себе чаю. Он не любил алкоголь, поэтому ему было всё равно.

— Помнишь, твоя прошлая зарплата была больше десяти тысяч? Ты мог позволить себе приходить сюда изредка. К тому же у нас были накопления, не нужно было платить ипотеку — ешь, что хочешь, не стоит себя ограничивать.

Нин Циянь проглотил кусочек нежной рыбы и пожал плечами:

— Две-три тысячи — это мои расходы на еду на целый месяц. По правде говоря, это просто минутное удовольствие. Если бы не завтрашний день... я бы не стал тратить такие деньги впустую.

Ду Чэну стало одновременно и смешно, и грустно.

В этом была вся печаль сиротства. У них никогда не было карманных денег, даже за еду и одежду приходилось бороться. Поэтому, даже повзрослев и заработав, они продолжали экономить на всём, тщательно высчитывая каждую копейку. Даже ради вкусной еды они долго колебались.

— У меня осталось еще больше сорока тысяч, может, купим еще фруктов и рыбы про запас? — спросил Ду Чэн, доставая деньги из сумки на заднем сиденье, когда они сели в машину после ужина.

Нин Циянь, объевшийся до отвала, лениво посмотрел на деньги в руках Ду Чэна.

— Холодильники уже забиты, класть некуда.

— Тогда купим еще один морозильник. Денег хватит.

Нин Циянь подумал и покачал головой:

— Забудь. После сегодняшнего ужина мне долго не захочется японской кухни. А фрукты...

через полмесяца созреют арбузы на нашем участке, боюсь, мы их даже съесть не успеем.

— Тогда оставим деньги?

Поколебавшись, Нин Циянь завел машину:

— Может, купим побольше крепкого алкоголя? Зимой глоток согреет, да и раны можно будет дезинфицировать.

Ду Чэн не возражал. Нин Циянь объехал несколько магазинов, покупая ящиками дешевый крепкий алкоголь. Наконец, пока не стемнело, они отправились в парк Луншань.

Парк находился на северо-западе города Д. и занимал огромную площадь. Там было много сакуры, и сейчас, в период цветения, даже в будний день было много людей, которые отпросились с работы, чтобы устроить пикник с семьями. Поэтому, если они поставят там палатку, чтобы провести последние мирные часы, это ни у кого не вызовет подозрений.

Главное, что в парке не было высоких зданий, и если держаться подальше от деревьев, это место было относительно безопасным.

Прибыв в парк, Ду Чэн пошел за билетами, а Нин Циянь припарковал машину у выхода. Когда Ду Чэн вернулся, они надели огромные рюкзаки. Ду Чэн нес палатку и железную печку для барбекю, а Нин Циянь — большую пенопластовую коробку.

— Когда будете жарить шашлыки, держитесь подальше от травы, используйте специальные места, — с улыбкой предупредила сотрудница парка на входе.

Нин Циянь улыбнулся и кивнул:

— Обязательно, спасибо за напоминание.

Женщина, разглядев лицо Нин Цияня, заулыбалась еще шире. Когда они отошли, Нин Циянь услышал, как она говорит коллеге:

— Ох, какой приятный парень. Интересно, есть ли у него девушка? Пришли с другом в парк, это гораздо лучше, чем шляться по ночным клубам, как нынешние олухи.

— Твоя дочь еще в школе учится, а ты уже беспокоишься?

— Ты не знаешь, сколько сейчас ранних романов в их школе...

Нин Циянь почувствовал, как атмосфера вокруг Ду Чэна стала тяжелой, и в его глазах мелькнула улыбка.

Надвигались сумерки. Заходящее солнце окрасило лес и лужайки в золотистые тона. Стоило завернуть за угол, как перед глазами предстала аллея цветущей сакуры.

— Как красиво! — воскликнул Нин Циянь.

Ду Чэн молчал, но в его глазах читалось восхищение.

Они шли по извилистой дорожке среди деревьев, и вскоре послышались голоса людей. Пройдя сквозь аллею, они вышли к круглой площадке, вымощенной мрамором, размером с половину футбольного поля.

Так как это был будний день, людей было немного. Три палатки уже стояли неподалеку друг от друга. Вокруг каждой сидели семьи — старики, женщины, дети, по четыре-пять человек. У каждой группы дымилась печка.

— Похоже, мы припозднились, — Нин Циянь потянул Ду Чэна к краю площадки, поближе к деревьям, и они вместе поставили палатку.

В отличие от ярких палаток других отдыхающих, у них была профессиональная, темно-зеленая, из водонепроницаемого материала на стальном каркасе. Площадью около десяти квадратных метров, она была идеальна для сна и отдыха.

Нин Циянь купил три таких палатки разных размеров. Самая большая, на пятнадцать метров, имела теплоизоляционный слой. Самую маленькую, на шесть метров, им подарили в магазине.

Поставив палатку, Ду Чэн начал разжигать угли. Нин Циянь надул матрас, застелил его постельным бельем и повесил лампу.

— Угли готовы, доставай еду, — Ду Чэн приоткрыл вход в палатку.

— Так быстро? — удивился Нин Циянь. Он помнил, как на корпоративных выездах у них уходило по часу, чтобы разжечь угли.

Он зашел в пространство, достал заранее подготовленные шашлыки и вынес их наружу.

Небо еще не окончательно стемнело, но зажглись фонари, освещая площадку.

Когда первая партия шашлыков была готова, Нин Циянь заставил Ду Чэна сесть и поесть. Тот

почти ничего не ел в ресторане, поэтому с удовольствием принялся за еду.

— Здорово было бы взять с собой Ду Дабао, — пробормотал Нин Циянь, переворачивая кальмаров и глядя на собаку, которая в третий раз пробежала мимо.

Ду Чэн взглянул на пятнистую собаку, играющую с мячом, но промолчал. Завтра начнется хаос, люди сами себя спасти не смогут, какая уж тут собака? Если Ду Дабао потеряется, Нин Циянь будет вне себя от горя.

Нин Циянь просто сказал это вслух, но на самом деле он бы не рискнул взять собаку с собой в такую катастрофу.

Когда Ду Чэн наелся, он сменил Нин Цияня у гриля. Они были сыты, изредка переворачивали шампуры и просто наслаждались последними минутами покоя.

9. Землетрясение

На следующее утро Ду Чэн умылся минеральной водой и вернулся в палатку. Нин Циянь ворочался, но вставать не хотел, и Ду Чэн не стал его будить. Он достал консервы, собираясь разогреть их на остатках углей.

— Не ешь консервы, у нас еще много мяса, давай доедим его сегодня. Потом долго не захочется, — Нин Циянь откинул одеяло и сел.

Ду Чэн видел, что он не в духе, поэтому не стал много говорить, а просто загрузил его работой, чтобы у того не было времени на лишние мысли.

Люди, отдохавшие в парке, постепенно собирались и уезжали.

В какой-то момент Нин Цияню захотелось остановить их — ведь здесь, вдали от городских высоток, было гораздо безопаснее. Но эта мысль тут же улетучилась. Раз он не собирался предупреждать о землетрясении, не стоило выдавать себя в последние минуты.

Он не был бессердечным. Когда они с Ду Чэном были в самой безнадежной ситуации, никто — ни однокурсники, ни любимые учителя — не протянул им руки помощи.

Нин Циянь навсегда запомнил, что чувствовал, когда, держа в руках чек, смотрел, как Ду Чэн входит в тюремные ворота. И помнил, как дрожащие руки Ду Чэна вытаскивали его из-под обломков в темноте.

Поэтому в этой жизни, пока Ду Чэн в порядке, ему плевать на всех остальных.

Ровно в двенадцать Ду Чэн залил угли водой. Они собрали шампуры и печку, и Нин Циянь убрал всё в пространство.

Яркое солнце освещало мраморную площадку. Парк, деревья — всё казалось таким тихим, будто в парке Луншань остались только они двое.

В 12:37 Нин Циянь внезапно крепко обнял Ду Чэна.

— Мы должны выжить, во что бы то ни стало!

Гул — словно из недр земли донесся низкий рокот, от которого в ушах зазвенело.

Ду Чэн рефлекторно прижал Нин Цияня к себе.

Земля начала дрожать, всё сильнее и сильнее. В конце концов Ду Чэну пришлось опуститься на колени, чтобы удержать равновесие.

Из-за звона в ушах Нин Циянь ничего не слышал, он чувствовал лишь крепкие объятия Ду Чэна, которые давали ему хоть какое-то ощущение опоры на вибрирующей земле.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем земля начала успокаиваться.

Нин Циянь, не обращая внимания на звон в ушах, оттолкнул Ду Чэна и упал на колени, его начало рвать.

Ду Чэн зажал уши, дожидаясь, пока пройдет головокружение и звон, затем огляделся, с трудом поднялся, вытащил из перевернутой палатки бутылку воды и приложил её к губам Нин Цияня.

Нин Циянь прополоскал рот, и только когда звон в ушах утих, он почувствовал, что вернулся к жизни.

Взглянул на часы — 13:11.

Землетрясение длилось целых полчаса.

— Лучше? — тихо спросил Ду Чэн.

Нин Циянь кивнул и посмотрел на левую ногу Ду Чэна.

— Ушибся? — спросил он и закатал штанину. Колено уже начало синеть.

Он усадил Ду Чэна, и, прикрывшись одеждой, достал из пространства настойку и спрей. Тщательно втер лекарство и побрызгал сверху.

— Можешь двигаться? — спросил Нин Циянь.

Ду Чэн кивнул, размял колено и встал, чтобы поставить палатку на место.

— Собирать её? — спросил Ду Чэн.

— Нет, здесь повреждения небольшие, скорее всего, правительство будет использовать это место для размещения выживших. Раз здесь будет власть, в ближайшее время ничего не пропадет, — ответил Нин Циянь. Порядок рухнет лишь тогда, когда люди осознают масштаб катастрофы.

<http://bllate.org/book/18708/1808061>